

Константин Порфирородный. Перевод с оригинала, предисловие и примечания Р. М. Бартияна. XV+368 стр., две вкл. и две карты. Ереван, издательство АН Армянской ССР, 1970 (на арм. яз.) («Иноязычные источники об Армении и армянах», 6 — «Византийские источники», II)

В сочинениях Константина Порфирородного сохранились разнообразные и в большинстве случаев уникальные сведения об Армении и армянах. Писатель-венценозец располагал хорошими источниками, так что к содержащейся в его сочинениях информации можно отнестись в общем с доверием. В значительной части эти данные давно вошли в научный оборот, к ним обращаются при решении многих вопросов как византийской, так и армянской истории, не говоря уж о смежных проблемах. Впервые, однако, эти материалы собраны воедино, что позволяет в ряде случаев подойти к ним по-новому и в то же время составить суждение о взглядах византийского писателя на круг вопросов, которым в его сочинениях уделено весьма заметное место.

Работа открывается статьей «Константин Порфирородный и его литературное наследие». Далее следуют переводы текстов. Р. М. Бартияна включил в свое издание полностью или выборочно 27, 43—46, 50—53 главы «De administrando imperio». Полностью приведено «Жизнеописание Василия», которое, как известно, составляет пятую книгу исторического труда «Продолжателя Феофана», но принадлежит перу Константина Порфирородного. Затем следуют отдельные разделы из обеих книг *De cerimoniis* (I: 24, 89, 90, 96 и Appendix; II: 42, 44, 45, 48, 50, 52, 54) и разделы из «De thematibus» (Praefatio, I, II, VIII, IX—XII, XV). Публикуется сочинение Константина Порфирородного о нерукотворном образе. В приложении даны отдельные разделы из Василия, из Синописа василик (Большого и Малого), из *De vellitatione bellica*, приписанной Никифору II Фоке, и, наконец, XVIII новелла этого императора. На стр. 209—336 — подробный комментарий ко всем публикуемым текстам. Работа завершается списком литературы, указателем личных имен, этнонимов и топонимов. Приложен указатель византийской терминологии, встречающейся в переводах. Карты воспроизводят границы восточных фем в VII—IX вв. и восточную границу Византии около 960 г.¹

Сведения, содержащиеся в памятниках, включенных в рецензируемую книгу, освещают, как мне представляется, два круга вопросов, две основные проблемы. К первой группе относятся 43—46 главы «De adm. imp.», и 48 глава II книги «De cerim.». Эта группа источников касается по преимуществу статуса государственных образований, которые появились в Армении и Грузии в IX—X вв., и их взаимоотношений с Византией. Остальные материалы составляют вторую группу — это источники, освещающие историю армян в Византийской империи. Впрочем, те разделы «Жизнеописания Василия», где Константин Порфирородный повествует об «аршакидском» происхождении своего деда, в равной мере принадлежат и к первой группе. Отметим также, что источники первой группы содержат особенно важную информацию, являющуюся плодом целенаправленной деятельности автора. Данные же о византийских армянах носят зачастую случайный характер.

Насколько я могу судить, Р. М. Бартияна включил в свою работу все те разделы, в которых так или иначе говорится об Армении и армянах. Упущений в этом смысле в книге нет. Но есть много такого, что к интересующей нас проблематике имеет весьма далекое отношение. Речь идет не о широте контекста — для того, чтобы правильно оценить роль одной фразы, порой имеет смысл привести целиком всю заключающую ее главу. Возражения вызывают такие разделы, как например, описания надгробий византийских императоров («О церемониях», II, 42). Некоторые из упомянутых здесь императоров были армянами, но вряд ли этого достаточно, чтобы относящийся к их надгробиям материал включать в книгу, подобную рецензируемой. Что касается «Повествования о нерукотворном образе», то здесь армяне вообще не упомянуты. Издатель счел нужным привести это сочинение руководствуясь, по-видимому, тем обстоятельством, что один из первоначальных изводов памятника известен и на армянском языке. Между тем в своде, подобном рецензируемому, не только недостаток, но и избыток материала затрудняет исследование.

Переводы текстов выполнены вообще точно, хорошо передают не только содержание, но и стиль подлинника. Отклонения от оригинала весьма редки².

Во вступительной статье излагается политическая история Византии со времен Василия Македонянина до 959 г., когда скончался его внук Константин Порфирородный. Эта часть изобилует примерами, освещающими роль армян в византийской истории — на военном и административном поприще, в науке и др. Сочинения Кон-

¹ Карты выполнены на основе соответствующих вкладок в изданиях: *G. Ostrogorsky. Histoire de l'Etat byzantin. Paris, 1956, p. 136; E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935.*

² Так, *De adm. imp.* (далее — DAI) I, 43/128—9: Григорий Таронит обращается к Роману Лакапину с просьбой *τὴν δὲ βίβλιν ἢ προίκα λαμβάνειν . . . ἢ ἐκκοπήναι αὐτῆν*. Получение руги обусловливалось рядом обременительных обязательств. Григорий хочет получать ругу безвозмездно либо просит упразднить ее. В контексте фразы *προίκα*, конечно, наречие. В переводе же Р. М. Бартияна Григорий «требовал ругу или приданое в тех размерах, в каких он получал при всеблаженном императоре Льве, в противном же случае он полностью отказывается от нее» (стр. 8).

стантина Порфирородного содержат сведения как об отдельных лицах, так и о компактных массах армян в составе населения империи. После краткой характеристики социально-экономических отношений в Византии IX—X вв. Р. М. Бартикян переходит к сочинениям Константина Порфирородного и выделяет те их разделы, которые так или иначе относятся к затронутой в книге теме. Вступительная статья снабжена библиографией, иногда очень подробной. Многочисленные ссылки на литературу имеются и в комментариях. Последний распространяется на собственные имена, терминологию, отдельные факты, реалии и т. п. Во многих случаях автор выходит за пределы, подсказанные соответствующим сведением из Константина Порфирородного, и стремится осветить явление или термин в его развитии во времени и в пространстве. Примечания опираются не только на специальную литературу, но и на источники, при этом автор широко обращается как к греческим, так и к армянским. Дополнительные данные, правда, приводятся нередко выборочно, они лишь иллюстрируют событие или понятие. Но даже в тех случаях, когда полнота привлеченного материала весьма относительна, его наличие существенно обогащает наши представления о предмете.

В целом вступительная статья и в особенности комментарий могут быть с успехом использованы не только при изучении сведений Константина Порфирородного об Армении и армянах, но и за пределами этой специальной задачи.

Конечно, не во всех случаях утверждения автора бесспорны. Так, трудно согласиться с тем, что магистр был высшим византийским титулом, на который мог рассчитывать иноземец (стр. ХХХIX и 217, прим. 26). В самой же рецензируемой книге указано (стр. 5 текста, стр. 214, прим. 16 комментариев и др.), что грузинский царь Адранасе был куропалатом, т. е. носителем более высокого титула. По наблюдениям К. Туманова, с 588 г. этот титул жаловался грузинским правителям, с 635 — армянским³. Отталкиваясь от личного имени стратига Халдии Варды Воилы, автор считает его армянским (стр. ХХV). Подобным критерием при определении этнической принадлежности Р. М. Бартикян пользуется и в других случаях (например стр. XV, стр. 300, прим. 50). Между тем, по мнению такого авторитетного исследователя, как В. Лоран, две трети византийцев носили негреческие имена. Поэтому настаивать на армянском происхождении того или иного лица, исходя только из его личного имени (даже такого армянского, как «Варда», арм. Вард), не вполне оправданно⁴. На стр. LVIII экзархаты Италии и Африки толкуются как «шестивластия», соответственным образом транскрибируется и термин *ἑξάρχυατο*. Неправомерность подобного осмысления вряд ли нуждается в доказательствах.

Встречаются нечеткие формулировки, вроде того, что Константин Порфирородный как император ничем не отличался от других византийских императоров (стр. ХХХII), словно существовал некий императорский стереотип. Но в такой объемистой работе, как рецензируемое издание, подобные ошибки, вероятно, неизбежны, и в данном случае они не определяют его научный уровень, тем более что к осмыслению выдержек из Константина Порфирородного они отношения не имеют либо касаются вопросов второстепенных. В дальнейшем же я позволю себе остановиться на некоторых данных Константина Порфирородного, имеющих принципиальное значение для правильного понимания сложных политических отношений между Арменией и Византией в конце IX и в первых десятилетиях X в. В рецензируемой книге эти данные либо не стали предметом специального разбора, либо освещены, с моей точки зрения, не всегда верно.

Прежде всего это касается статуса Тарона. В 830 г. эта область отошла к Багарату Багратуни (880—851), положившему начало таронской ветви Багратидов. С 898 по 966 г. здесь правят потомки Багарата — Григорий и его сыновья. 43 глава «Об управлении империей» (далее — DAI) целиком посвящена Тарону, она является если не единственным, то во всяком случае важнейшим источником для изучения этой части Армении в первой половине X в. Архонт Тарона Григорий был приглашен в Константинополь, где ему было пожаловано звание магистра. Он стал стратигом Тарона⁵. При Романе Лакапине Константинополь посетил старший сын Григория Панкратий-Багарат. Багарату был пожалован титул патрикия, он, как и его покойный отец, стал стратигом Тарона⁶. Стратигом возможно стал и побочный сын Григория Ашот, который еще при жизни отца посетил Константинополь и вернулся на родину с титулом протоспафария, а впоследствии стал патриkiem⁷. Назначение Таронитов стратигами дало С. Рэнсиму повод утверждать, что Тарон превратился в составную, неотъемлемую часть империи, хотя формально эта область была аннексирована лишь

³ С. Toumanoff. Studies in Christian Caucasian History. — «Georgetown University Press», 1963, p. 388—389. Иначе: R. Guiland. Le Curopalate. — «Byzantina», II, 1970, p. 213—220.

⁴ В одной из своих ранних работ Р. М. Бартикян подробно прослеживает историю рода, к которому принадлежал Варда Воила. Об армянском происхождении Варды здесь ничего не говорится, а патриом толкуется как болгарский. См. ВМ, 5, 1960, стр. 397—398: «Завещание Евстафия Воилы (1059 г.) как важный источник по истории Армении и Грузии» (на арм. яз.).

⁵ DAI, I, 43/65—6.

⁶ Ibid., 43/153.

⁷ Ibid., 43/51—3, 133.

в 966/7 г.⁸ С этим мнением солидаризируется и Р. М. Бартиякн (стр. 218, прим. 27), хотя во вступительной статье зависимость Григория от империи он квалифицирует как вассальную (стр. XXXIX).

Точка зрения, которой придерживается С. Рэнсимен и следующий ему Р. М. Бартиякн, представляется ошибочной. Тарон, разумеется, был настолько втянут в орбиту имперской политики, что говорить о его независимости не приходится. Здесь были вынуждены считаться с волей императора, которую осуществлял специальный чиновник — βασιλικός.⁹ По распоряжению Романа Лакапина производится раздел страны между потомками Григория Таронита и его брата Апоганема, при этом город Улнутис (арм. Էլնուտ, Өлнут) остается за империей. По словам Константина Порфирородного, Тарон принадлежал к тем странам Востока, которые обратились в *δπλῆκος*, а Григорий Таронит *ἐαυτὸν ὑπέκλιθεν καὶ ὑπέταξεν*¹⁰. Как подданный императора, архонт Тарона получает его «повеление» (*κελεύσις*)¹¹. Но, с другой стороны, Григорий обменивается с императором дарами и посланиями (*διὰ γραμμάτων*) — как до визита в Константинополь, так и спустя годы¹², а это обстоятельство является признаком суверенных прав Тарона. Григорий и его сыновья были стратигами¹³, и действительно этот термин прилагается обычно к фемному правителю. Но как отличаются Тарониты от обычных стратигов! Права «стратига» передаются здесь по наследству. Тарониты выполняют свои функции пожизненно — черта, не свойственная обычным правителям фемы, которые постоянно смещаются и перемещаются. И хотя Григорий получал ругу, он и его сыновья были «стратигами» не в должностном, а в титулярном смысле.

В пользу этого можно привести еще один аргумент. В 46 главе II книги «О церемониях» перечисляются титулы, которые жалуются иноземным правителям. Наряду с терминами, титулярный характер которых сомнений не вызывает (экзусиократор, экзусиарх, экзусиаст, архонт архонтов и др.), встречаются и такие, которые в империи вообще говоря, означали должность: дука, стратилат и т. д. В последнем ряду значится и стратиг. Таким образом, определенные должностные обозначения, в том числе и стратиг, применительно к иноземцам у себя дома, употреблялись, по-видимому, всего лишь как почетные титулы¹⁴. В международно-правовом смысле, как это понимали византийцы, Тарон еще не утратил своего суверенитета, хотя и стал вассальным государством. В противном случае вряд ли завидовали бы Григорию куропалат Адарнасе, Гагик I Арцруни и Ашот II Багратуни. Тарон еще не стал фемой, в *De cerim.* он упомянут в числе княжеств, которые наверняка не входили в состав Византийской империи: Коговиѳ, Моккѳ, Андзавадикѳ, Сюниѳ, Вайоц Дзор, Хачен, Севордикѳ.

Как известно, в международных отношениях Византии действительную роль играло представление об идеальной «семье царей и народов» во главе с василевсом. Термины родства (и некоторые другие), которые прилагались к контрагентам, имели титулярное значение, они определяли место правителя, соответственно и его подданных, в системе, построенной по иерархическому признаку. Эта система, оказывая мощное идеологическое воздействие на народы, имела в то же время правовой характер, ею руководствовались в практике международных отношений Византии. Корни этой системы уходят в глубокую древность. Отношения между императором и прочими членами этой своеобразной «семьи» конституировались по трем основным линиям. На высшей ступени находились «братья» императора, причем здесь фактическое соотношение сил могло дать повод претендовать на известное равноправие. Далее шли «сыновья», а на низшей ступени были «друзья» (*φίλοι*) императора¹⁵. К последней

⁸ DAI, II, p. 164, 43/65.

⁹ DAI, I, 43/43.

¹⁰ Ibid., 43/5, 8.

¹¹ *De cerim.* I, p. 687.9 (Боннское издание); *F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt.* Ettal, 1953 (далее — BES), S. 38; *idem. Byzantinische Diplomatie.* Ettal, 1956, S. 125. Anm. 45.

¹² DAI, I, 43/21, 50, 80.

¹³ Возможно, впрочем, что Ашот не носил этого титула. В *De cerim.* правитель Тарона — архонт.

¹⁴ На возможность подобного истолкования этой действительно важной главы обратил мое внимание проф. Я. Ферлуга (при обсуждении доклада на XIV Международном конгрессе византистов в Бухаресте и в частном письме). Пользуюсь случаем еще раз высказать ему мою искреннюю признательность.

¹⁵ Изучение международных связей византийской империи в правовом аспекте связано в первую очередь с именами Ф. Дэльгера и Г. А. Острогорского, эта проблема продолжает привлекать пристальное внимание ученых. См. *F. Dölger.* 1) Die «Familie der Könige» im Mittelalter; 2) Die mittelalterliche «Familie der Fürsten und Völker» und der Bulgarenherrscher; 3) Der Bulgarenherrscher als geistlicher Sohn des byzantinischen Kaisers. — BES, S. 34—69, 159—196; *G. Ostrogorsky.* Die byzantinische Staatenhierarchie. — SK, VIII, 1936; *idem.* The Byzantine Emperor and the Hierarchical World Order. — SEER, XXXV, 1956—1957 и др. Из новых работ см., например: D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. London, 1971; *V. Tăpkova-Zaimova.* L'idée impériale à Byzance et la tradition étatique bulgare. — «Byzantina», III, 1971; *И. П. Медведев.* Империя и суверенитет в средние века. —

категории принадлежал и иверский куропалат Ашот, которого Константин Порфирородный квалифицирует как *πιστός καὶ ὀρθὸς δοῦλος καὶ φίλος ἡμῶν*¹⁶. К сожалению, ни в переводе, ни в комментарии не оговорено, что Константин Порфирородный оперирует важным дипломатическим термином «друг».

Как дипломатический термин *φίλος* имел и другое значение. В 24 главе I книги «О церемониях» описывается прием в Магнавре, устроенный по случаю праздника Василия Кесарийского¹⁷. В приеме участвовали «магистр и архонт Тарона» (по всей вероятности, Григорий Таронит) и *φίλοι Βουλγαροι*¹⁸. Касаясь этого известия, Р. М. Бартакиан полагает, что «болгарские друзья» принадлежат к той части болгарской знати, которая придерживалась провизантийской ориентации и, покинув царя Симеона, искала прибежища в империи. По его мнению, эти «друзья» участвовали в императорских приемах, как правило, во второй виле, после магистров. К той же категории он относит *τοὺς ἀπὸ Βουλγαρίας φίλους*, которые участвовали в ширшестве, устроенном в честь Михаила III¹⁹ (см. стр. 258, прим. 39 и стр. 296, прим. 9). С таким толкованием трудно согласиться. Протокол приема, который содержится в 24 главе «О церемониях» был составлен, конечно, применительно к официальному положению и сану болгар, а не к их ориентации. В обоих случаях *φίλος* употреблен в качестве термина, обозначающего посла. В «Клиторологии» Филофея имеется раздел, который посвящен прибывающим в Константинополь посольствам, среди них упомянуты и «болгарские друзья»²⁰. В книге «О церемониях» содержится формула, по которой византийские послы (*φίλοι*) приветствуют халифа²¹. По другим источникам известно, что в 896—913 гг., в промежутке между двумя войнами, Болгария обменивалась послами с Константинополем. И хотя интересующий нас случай приема болгарских послов в Магнавре нельзя приурочить к какому-либо из этих посольств, сам по себе прием не противоречит общепринятой исторической обстановке.

48 глава II книги «О церемониях» является чем-то вроде инструкции по составлению официальных посланий византийского императора иноземным правителям (в рецензируемой книге она вполне оправданно приводится полностью). Здесь текстually воспроизводятся инскрипции грамот и сведения о достоинстве их печатей. Трое адресатов названы «духовными сыновьями» византийского императора: правители Великой Армении, Алании и Болгарии²². «Духовный сын» — это титул, даже правовой (*Rechtstitel*), и как таковой он включается в инскрипцию грамоты. В нашем случае он прилагается к правителю «Великой Армении», с центрами попеременно в Еразгаворсе, Карсе, Ани). Со второй половины IX в. между Византийской империей и ширакскими Багратидами утверждаются тесные политические отношения. Появление термина «духовный сын» в титулатуре ширакских Багратидов отражает эти связи.

Правовая сторона отношений между Византийской империей и «Великой Арменией», нашедшая отражение в специфическом титуле армянского царя, многократно привлекала внимание исследователей, но, сколько мне известно, этот вопрос рассматривался на основании лишь тех данных, которые содержатся в греческих источниках. Между тем сведения об этом духовном родстве сохранились и у армянских писателей, например у такого осведомленного автора, как Иоаннес Драсханакертский (завершил свой труд в 925 г.). Известно, что незадолго до своей смерти император Василий I успел признать царские права Ашота I Багратуни. Между императором и армянским царем был заключен договор о мире, подчинении (разумеется, царя императору) и любви. При этом Василий нарек Ашота «сыном любимым»²³. Лев VI Мудрый осыпал Смбата I дарами и почестями, но «важнее было то, что император назвал Смбата своим любимым сыном через полюбовный договор о верности»²⁴.

Возвращаясь к этому сюжету, автор отмечает, что, будучи «любимым сыном», Смбат всецело воздавал императору, признавал его верховенство и полагал его «отцом родным»²⁵. Ашот III Багратуни был духовным сыном Иоанна Цимисхия²⁶. Взят

В кн.: «Проблемы истории международных отношений». Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. Литература вопроса использована и в ДАИ, II.

¹⁶ ДАИ, I, 45/157.

¹⁷ Отмечался 1 января. В тексте указан III индикт, о датировке см. стр. 294—295, прим. 6 рецензируемой книги. Н. Г. Адонц, который специально занимался этим вопросом, колебался между 900 и 910 гг.

¹⁸ De cerim., p. 136—139; Livre des cérémonies, ed. A. Vogt. Paris, 1935, p. 127—129.

¹⁹ Theoph. Cont., p. 229.7 (Боннское издание).

²⁰ J. V. Bury. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911, p. 155.26, 156.10.

²¹ De cerim., I, p. 683.17—18; ср. p. 139.1. Подобное истолкование термина предложил еще Рейске: De cerim., II, p. 226—227. См. также: J. V. Bury. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenetos. — EHR, 22, 1907, p. 420—421; ДАИ, II, p. 163, 43/64—65 и в особенности: F. Dölger, in: BES, S. 65—66, Anm. 74.

²² De cerim., I, p. 687.3, 688.7, 690.11, 14.

²³ «История Армении католикоса Иоаннэса Драсханакертци». Тифлис, 1914, стр. 140 (на арм. яз.).

²⁴ Там же, стр. 158—159.

²⁵ Там же, стр. 199—200.

²⁶ Матфей Эдесский. Хронография. Вагаршпат, 1898, стр. 19 (на арм. яз.).

тые даже сами по себе, эти данные показывают, что «семейные» отношения между византийскими императорами и их армянскими «сыновьями» представляли собой юридическую реальность и, как в случае с первыми Багратидами, фиксировались в специальном договоре.

Система духовных родственных связей и относящаяся к ней терминология принадлежали исключительно международноправовой сфере. Эта система предполагала, по-видимому, только двойственные связи: византийский император — его иноземный контрагент. Духовные «сыновья» императора не становились духовными братьями, а «друзья» императора вполне могли оказаться врагами.

Существовала и другая система, которая также предопределяла нормы международных отношений, но в равной мере она принадлежала и государственноправовой сфере. Как известно, каждому иноземному правителю присваивался особый титул, который с византийской точки зрения не только представлял его носителя в международных отношениях, но и призван был определять его власть по отношению к собственным подданным. Эта титулатура также носила официальный характер и включалась в инскрипцию послания. Эта система перекрывала первую, она была много шире нее — в 48 главе лишь несколько адресатов состоят в «родстве» с императором, но каждый из них имеет — на данный момент строго фиксированный — титул второй системы. Вторая система, как и первая, носила в общем двойственный характер, хотя здесь возможны были некоторые отклонения.

Специфическим международно-правовым титулом армянского царя «внеродственной» системы был *ἀρχων τῶν ἀρχόντων*. Давно подмечено, что этот титул восходит к арм. ишханац ишхан, «князь князей». В «Об управлении империей» титул архонта архонтов прилагается исключительно к Багратидам — Ашоту I (886—890)²⁷, его сыну Смбату I (890—912)²⁸ и сыну Смбата Ашоту II Железному (912—929)²⁹, употребляется как титул Багратидов вообще³⁰. Но Абаса I (929—953), второго сына Смбата I, Константин Порфирородный именует только магистром³¹. В «О церемониях» отмечено, что инскрипция послания архонту архонтов «Великой Армении» гласит: «Константин и Роман, верные во Христе-боге автократы, августы, великие василевсы ромеев, — славнейшему имярек проту (*πρότον*) Великой Армении и духовному нашему сыну»³².

О царе Васпуракана Гагике I Арцруни (908—943) в «Об управлении империей» говорится как об архонте, но в «О церемониях» содержится иная формулировка: «Архонту Аспуракана или Васпаракана, ныне титулуемому архонтом архонтов. Константин и Роман, верные во Христе-боге автократы, августы, василевсы ромеев, — славнейшему имярек архонту архонтов»³³.

Таким образом, в какой-то период Гагика I также признали архонтом архонтов. Р. М. Бартияян полагает, что это произошло вскоре после 908 г., т. е. вскоре после вступления царя на престол (стр. 311, прим. 81). Это кажется сомнительным. Уже будучи царем, Гагик I был современником и Смбата I, и Ашота II Багратуни. Но в то время как в «Об управлении империей» эти двое неоднократно названы архонтами архонтов, Гагик фигурирует всего лишь как архонт. Есть основания думать, что архонтом архонтов он стал лишь после смерти Ашота II Багратуни, когда преемнику последнего, Абасу I, в подобном титуле отказали — его упорно именуют магистром. Надо думать, что с византийской точки зрения в Армении мог быть только один архонт архонтов.

48 глава составлена, конечно, на основании документов, но строго официальный характер носят по-видимому только инскрипции посланий. Как мы видели, багратидский царь именуется здесь не архонтом архонтов, но протом (при том, что он остается духовным сыном императора). Аналогичный пример являет собой раздел, посвященный Алалии (если, конечно, текст исправлен). В описательной части ее правитель назван экзусиократом, в инскрипции же экзусиастом³⁴. Сохранилось послание Романа Лакапина, адресованное анонимному — очевидно, армянскому — князю³⁵. Здесь упомянуты архонт архонтов Гагик I Арцруни и магистр Абас I Багратуни. Если адресат пожелает стать «другом» императора, если он будет достойно вести себя в своих краях, мы пожалуем ему титул архонта архонтов и прикажем Гагику (в этой фразе Гагик фигурирует без титула) и магистру Абасу и прочим архонтам Востока, тем что пребывают в этих краях, подчиняться твоему слову и мнению, заявляет автор послания. Титул архонта архонтов предполагал, по-видимому, первенство его носи-

²⁷ DAI, I, 44/6, 13, 18, 20.

²⁸ Ibid., 43/30, 33—34; 44/7, 19, 22, 26—27, 50, 120.

²⁹ Ibid., 43/112; 44/9, 37. Хронология первых Багратидов недостаточно разработана, приведенные даты несколько условны.

³⁰ DAI, I, 44/38—39, 42, 45.

³¹ Ibid., 44/10, 36.

³² De cerim., I, p. 686, 22—687.3.

³³ Ibid., p. 687, 4—8.

³⁴ Ibid., p. 688. 2, 6. В армянском переводе (стр. 151—152) эта разница не отмечена, в обоих случаях правитель Алалии назван экзусиократом.

³⁵ См. I. Saccellion. *Ῥωμαῖοῦ βασιλέως τοῦ Λακαπήνοῦ ἐπιστολαί*. — «Δελτίον», II, 1885, p. 406—409.

теля, власть над прочими архонтами. Этот титул носили первые три Багратиды. При Абасе архонтом архонтов стал Гагик I. В какое-то время³⁶ архонтом архонтов предполагалось сделать неизвестного армянского князя, но дальше переговоров дело, по-видимому, не пошло. Мы видим, что по византийским понятиям армянские правители должны были следовать известной субординации и иметь своим главою то лицо, которое император признавал архонтом архонтов.

Сочинения Константина Порфирородного относятся к числу важнейших византийских источников об армянах, грузинах и других народах Кавказа. Книга Р. М. Бартияня является в целом безусловным вкладом в их изучение.

К. Ю.

G. C a v a l l o. *Rotoli di Exultet dell'Italia Meridionale, contributi sull'Exultet 3 di Troia di C. Bertelli, prefazione di A. Petrucci. Adriatica Editrice. Bari, 1973 г.*

Среди иллюстрированных средневековых рукописей южноитальянские свитки, так называемые «Эксультет», занимают совершенно особое место. Они не только точно локализируются, но возможна и их довольно точная датировка. Ими уже давно занимаются такие ученые, как Эвери Лоу, Г. Кавалло, Е. Берто, П. Тозска, а за последнее время и Г. Бельтинг. Скриптории Беневента и Трои привлекают к себе все большее внимание, как активные центры книжного искусства, в которых причудливо переплетались местные традиции с занесенными извне византийскими влияниями.

Свитки «Эксультет» называются так по первому слову пасхального песнопения, возглашаемому в субботу с амвона. С возведением воскресения Христова зажигаются свечи, символизирующие это воскресение. Песнопение «Эксультет» является одновременно и «laus», и «benedictio cerei»; это и прославление Христа, и принесение ему символического дара — сделанных из воска свечей. В пасхальную ночь новообращенные получали также крещение. Эти предварительные замечания объясняют нам специфическую тематику миниатюр свитков «Эксультет», в которых встречаются совсем особые сюжеты, продиктованные содержанием песнопения.

Поскольку песнопение возглашалось дьяконом с амвона и он читал его по свитку, который постепенно, по мере прочтения, свешивался сверху вниз, верующие могли рассматривать украшавшие его миниатюры лишь при условии их расположения в направлении, обратном тексту. Это специфическое размещение миниатюр, учитывающее ход литургии, лишний раз показывает, как тонко средневековые люди использовали синтез слова, музыки и изображения, слившихся в единое целое.

В Южной Италии практиковалась особая формула для «benedictio cerei» отличная от «Эксультет» французско-римских, что дало повод называть эти рукописи «Беневентскими Эксультет», или «Эксультет из Бари» (по месту хранения свитка № 1).

В настоящее время известен 31 литургический свиток. Все свитки, кроме двух, происходят из района Беневента и были написаны и иллюстрированы в бенедиктинских монастырях либо в местах, тяготевших к ним (Монтекассино, Фонди, Гаэта. Мирабелла, Эклано, Салерно, Капуя, Беневент, Троиа, Бари). Почти все они написаны беневентским минускулом. В рецензируемой книге публикуются с подробным описанием два свитка из архива собора в Бари (№ 1 и 2; к первой рукописи пришиты четыре листа «Бенедикционала») и три свитка в архиве Капитула собора в Трое (№ 1, 2, 3). Основная тематика свитков почерпнута из Нового завета, но встречаются также изображения, подсказанные ходом литургии и текстом песнопения; представлены дьякон, либо получающий свиток из рук епископа, либо зажигающий пасхальную свечу, либо читающий свиток с амвона, или освящение купели. Почти во всех свитках фигурируют пчелы, символизирующие девственность Марии. Часто встречаются сцены сбора меда и воска. В конце даются портреты современных написанию рукописей пап, императоров, епископов. По-видимому, широко иллюстрирование свитков начало практиковаться с X в., с эпохи архиепископа Ландольфа I Беневентского (969—982).

Самыми тонкими по исполнению являются миниатюры свитка № 1 из Бари (около 1025 г.) и пришитого к нему «Бенедикционала» (середина XI в.). Здесь несомненно основательное знание византийских образцов, но система орнаментаки остается западной, что вообще характерно для всей группы опубликованных в книге рукописей. И здесь византийские влияния не следует переоценивать, так как основной строй форм романский. Вся евангельская тематика подсказана образцами восточнохристианского (а не константинопольского!) искусства, которые были ближе к пониманию варварской среды. Среди изображений особенно интересны аллегория земли (табл. 3), «роза ветров» (табл. 7), сцены с дьяконом и сбора воска и меда. В них, под влиянием наблюденого, больше живости, меньше от канона. То же самое приходится сказать о миниатюрах «Бенедикционала», на которых представлены шестие к купели и ее освящение. Хотя стилевая система не меняется, ее наполняют более реалистическим содержанием, непосредственно подсказанным не «exemplum», а тем, что художник непосредственно наблюдал в ходе литургии.

³⁶ Послание датируется промежутком между 929 г. (приход к власти Абаса I) и 943 г. (смерть Гагика I). Анализ послания см. К. Н. Юзбашян. Неизвестный адресат Романа Лакапина. — ВОН, 1974, № 1, (на арм. яз. с русск. резюме).